

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

*ЗАГАДОЧНЫЕ ЦИФРЫ ВМЕСТО
ПРИВЫЧНЫХ ГАЛОК И ПАЛОК*

МАРИЯ ГАНЬКИНА,

г. Москва

Каждая ошибка – это повод вернуться к материалу. Читать параграф – дело бесполезное. Ошибки надо прорабатывать. Но как? Обычная, принятая в школе работа над ошибками, как правило, формальна и не очень-то эффективна. К тому же дети её терпеть не могут. А в деле, которое касается живого языка, формализму и скуке не место.

В ученических тетрадках вместо привычных символов (палочка – орфографическая ошибка, галочка – синтаксическая ошибка) на полях появляются разные цифры, которые проставляет учитель при проверке. Каждой ошибке строго соответствует та или иная цифра. При этом учитель может либо исправить ошибку сам, либо просто зачеркнуть её, либо вовсе ничего с ней не делать – в зависимости от ситуации, хозяина тетрадки или своего рабочего замысла. Но на полях, в соответствующей данной ошибке строке, непременно появится цифра, отсылающая ученика в «Проработку ошибок и неточностей».

Такая маленькая рукодельная брошюрка есть у каждого ученика. Зачем она? Ведь, казалось бы, все эти орфо- и пунктограммы есть в учебнике. Но учебник – большой и не мой, а книжечка – маленькая и моя, именная. Даже сброшюрована и проиллюстрирована собственноручно.

РУКОДЕЛЬНАЯ БРОШЮРКА

Жизнь *Проработки* началась с десяти орфограмм на одном-единственном листочке, предназначавшемся каждому первоклашке. Перечислены они были в том порядке, в каком заходила о них речь в классе. Каждая новая орфограмма обживалась и торжественно набиралась на компьютере.

По мере углубления в материал (а мы шли не по программе, а собственным путём), наша

книжечка разрослась до 57 орфограмм и 19 пунктограмм. Никакой особой логики в их подаче не было, и тем более, ни на какую полноту наш список не претендует. Принцип перечисления орфограмм был один – житейский, домашний. (А поскольку у каждого класса жизнь своя, то и *Проработка*, если вы вдруг затеете её сочинять, наверняка выйдет не такая, как когда-то у нас.)

Та, чей фрагмент вы видите, – аж пятая! И терзали её в таком виде уже шестиклассники. Значит, укладывалась она в их головах целых шесть лет (за шесть-то лет и наизусть не грех выучить, не правда ли?)

Многие пунктограммы в *Проработке* лишь обозначены. Понятно, что в пятом классе разговор об обособленном приложении весьма приблизительный, но ткнуть пятиклассника лишний раз носом: сочини-ка, дескать, своё, похуже, предложе-

ние, – представляется полезным. Развивает языковую интуицию, да и ошибку без внимания оставлять не хочется (даже если класс и «не проходил» соответствующей темы), ведь в сочинениях у ребят иногда встречаются весьма сложные синтаксические конструкции. Что ж, в 8–10 классах инструкции будут более подробными.

Если б все правила мы стали формулировать в их полноте, то наша *Проработка* превратилась бы из инструкции к домашнему употреблению в сакраментальное учебное пособие, на которое с опаской смотрели бы даже сильные ученики.

Руководельный характер *Проработки* определил и её «домашнюю» терминологию: «слабое окончание», «вежливый мягкий знак в окончаниях глаголов 2-го л. ед.ч.». Это ещё что! В первых двух вариантах *Проработки* безударная гласная в корне звалась

Фрагмент Проработки

Вижу орфограммы	Прорабатываю так
19. Соединительная гласная О или Е в сложных словах	Отмечаю корни, из которых состоит слово, и обвожу в кружок соединительную гласную: <i>босоножки</i>
20. Непроизносимая согласная в корне	Подбираю и пишу через дефис проверочное слово плюс ещё три слова с этим корнем: <i>грустно – грустить; грустный, загрузил, грусть</i>
21. Частица НЕ с глаг. и дееприч.: <i>не был, ненавидеть (искл.), не раздумывая</i>	Пишу три глагола или деепричастия (смотря, в чём ошибся) с частицей НЕ
22. -ТСЯ или -ТЬСЯ в глаголах	Задаю к глаголу нужный вопрос: <i>надо (что сделать?) извиниться; он (что сделает?) извинится</i>

«пиратской гласной», парная согласная – «больной», а непроизносимая согласная – «робкой». Эти образы родились когда-то на страницах самиздатовских «учебников по русскому языку», которые в конце учебного года сооружали мои второклашки, с тем чтобы первого сентября торжественно вручить их первоклашкам (такая была задумка). Каждая орфограмма в этих «учебниках» была воплощена в виде какой-нибудь сказки или истории, непременно с картинками. Некоторые следы ученических фантазий сохранились по сей день – и не только на страницах *Проработки*, но и в головах учеников, ставших старшеклассниками.

См. ИНСТРУКЦИЮ

Итак, тетрадь – будь то обычная тетрадка по русскому или тетрадь с конспектами по истории или географии (я, например, время от времени просматривала на предмет ошибок все тетрадки своих учеников) – после проверки обзаводится разными цифрами на полях. Цифра без кружочка соответствует какой-либо орфограмме, цифра в кружочке – пунктограмме.

Завидев одно из двух на полях своей тетради, ученик действует так. Открыв *Проработку* на нужной цифре и отыскав на строчке злополучное место с ошибкой, он прорабатывает её по инструкции, изложенной в правом столбике *Проработки*, как раз напротив орфограммы за номером N.

В средней и старшей школе поводом лишний раз открыть *Проработку* служат не столько привычные упражнения и диктанты (адаптированные тексты дают сравнительно небольшое количество однообразных ошибок), сколько сочинения, изложения, истории для самиздатовских литературных журналов или материалы для классных газет. Тут и учителю приходится попотеть. Но это с непривычки, это пройдет,

Били виле пророжок, лёг на	6
живот, пофрели пророжок на	35
лапы, посмотрел на него, и	①
сёл.	11

Проработка ошибок.

6. ~~пророжок~~ ~~пророжок~~ ~~пророжок~~ ~~пророжок~~ ~~пророжок~~

35. попотннн, попагать, апожение

① Я вошёл, бросил портфель и тлогулся на диван.
11. бёл, бёл

Фрагменты ученической тетради

поскольку по ходу дела *Проработка* невольно запоминается. Кстати, учениками – тоже: за год–два большинство орфо- и пунктограмм без всякой зубрёжки откладывается в памяти вместе с номером и инструкцией. Так что, завидев цифру 22 на полях тетради, вовсе не надо лезть в *Проработку*.

И даже если на уроках русского языка мы «ещё не проходили» какую-то тему, то волей-неволей ребятам приходится в ней разбираться, выясняя, что стоит за той или иной цифрой. А мне – помогать им в этом, подчас забегая далеко вперед школьной программы. Что ж, что «не проходили»! Писать-то по-русски приходится уже сейчас. *Проработка* позволяет удерживать практически всю русскую орфографию в активе.

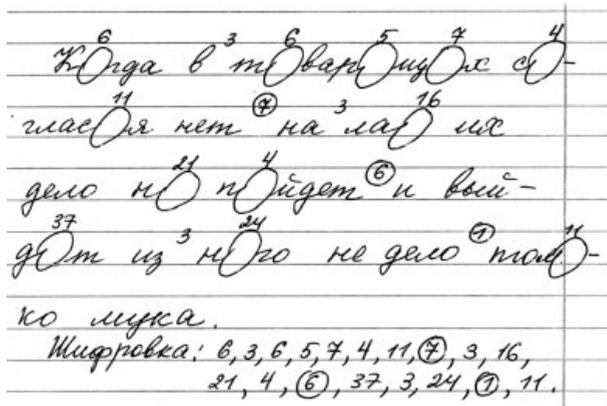
ШИФРОВАЛЬЩИКИ

Вариант задания: над каждой дыркой (пропущенной буквой), вариантом «слитного, раздельного или через дефис» написания или над пропущенным в тексте знаком препинания надо поставить соответствующий номер орфо- и пунктограммы, то есть соответствия проблемный случай с определённым грамматическим правилом. Выписать

цифры в ряд – и получится шифровка. Таким способом можно зашифровать какую-нибудь строфу из Пушкина. Или абзац из рассказа Чехова. А то и вовсе абзац из учебника по математике – отгадайте, какой!

Такая работа оптимальна, конечно, в компании (в так называемых *малых группах*) – это как раз тот случай, когда в споре рождается истина. Ведь свою первостепенную педагогическую задачу я вижу в осторожном и тщательном налаживании рабочей атмосферы, дружеских контактов – с тем чтобы у каждого ребёнка мог сложиться личный образ работающего (бок о бок с другими) человека.

Итак, командам раздаётся один и тот же отрывок текста. Каждая команда на свой лад делает его дырявым (см. статью «Дырявый текст собственного изготовления», № 6, 2009. – *Прим. ред.*) и передаёт в другую команду, допустим, по часовой стрелке.

Фрагмент ученической тетради

Следующий шаг: над каждой дыркой надо поставить соответствующий номер орфо- и пунктограммы и выписать цифры в ряд. Шифровка готова.

Интересно ли будет сверять её с шифровками других команд? Ещё как! Ведь шифровки не получаются одинаковыми. И чем больше различных вариантов, тем интереснее детям.

И уж, конечно, вариативность – это бальзам на сердце учителю. Ведь есть что обсудить! При этом тема обсуждения не спускается учителем сверху, а возникает тут же, на месте, «из народа». И учитель знает, что, когда он будет высказывать свое мнение, заинтересованные слушатели найдутся.

После того как все недоумения разъяснены, хоп! – по общему сигналу оставили свои тетрадки на местах и перешли в соседнюю команду. Самое время заняться штопкой.

По поводу каждой дырки (чем её заштопать) нужно всё же еще раз окончательно договориться. Пока совещаются, поглядывают на соседей. Те тоже о чём-то шушукуются.

Хоп! – и опять по общему сигналу команды вернулись на свои места. Теперь, сверяясь с первоисточником, можно заштопать свой текст уже ручкой, подбирая вдоль дороги соседские ошибки. Остается договориться, какие отметки ваша компания ставит штопальщикам: одну – за грамоту (по количеству отловленных оши-

бок), вторую – за дружбу (одинаково ли заштопаны дырки?) Отметки, таким образом, получают все – командные. И именно их учитель ставит в журнал и дневники.

Главное – конспирация

А вот пример работы, срежиссированной похитрее.

К работе принимаются, предположим, пять различных текстов, будь то отрывки из Толстого или из учебника по физике. И лучше, если тексты выберут сами ученики. Допустим, от каждой команды – по абзацу. На доске выписываются названия книг или учебников (в классе их должно быть несколько штук). Плюс координаты абзацев.

Итак, задание командам: втайне от других команд выбрать один из абзацев, отыскать его по адресу в книге и зашифровать. А это значит, как вы уже догадываетесь, сделать из него

дырявый текст, над каждой дыркой и пропущенным знаком препинания поставить номер орфограммы и на листочке выписать цифры в ряд.

Это задание интересно старшеклассникам, но оно по силам и малышам. Просто у них в обычае всего с десятком орфограмм, и их дырявый текст не будет таким дырявым, как изрешеченный пулеметной очередью текст старшеклассников.

Соблюдать конспирацию и не выдать, над каким абзацем корпиться, – трудно и тем, и другим. Но в противном случае, если информация всё же просочится, работа лишится своей изюминки. А изюминка её в том, что по шифровкам, которыми обмениваются команды, им предстоит угадать, что это за текст. Откуда? Из какой книжки?

Может быть, это тот же абзац, что и у нас? Сравним шифровки. Разные... Нет, похожи. Так обнаруживаются варианты. А какой правильный?.. И опять ребятам есть, о чем поговорить. И это здорово, потому что разговоры – по делу.

Глядишь, учитель и услышит наконец от своих учеников долгожданные вопросы.

НА ДЕСЕРТ

...Ну а если явно не наш кусочек? Для идентификации придётся из всех подряд абзацев делать дырявые тексты и шифровать. Хотя бы по первому предложению из каждого. Учителю надо очень постараться, чтобы в этом месте у ребят не появился настоящий азарт.

...При этом вся русская грамматика в активе. И сладостен для слуха учителя русского языка добровольный ученический лепет о тонкостях русского языка: чередованиях и обращениях, причастиях и обособлениях, орфограммах и пунктограммах... А ведь ребятам и вправду о многом надо договориться друг с другом – дело не ждёт. И *надо* – действительно, а не чтобы сыграть с учителем в поддавки.

Невзначай по дороге можно и открытие какое-нибудь сделать. Например, сравнив (а цифры говорят сами за себя) толстовский синтаксис и синтаксис учебника по биологии. Мой друг и коллега говорит, что по-настоящему восхищаться человек может лишь тем, что сам открыл. И по-настоящему сомневаться он может лишь в том, в чём засомневался самостоятельно. Ведь это сомнение он открыл сам.

